

Татьяна НАЛИВАЙКО

©2003

**ПОЭТИКА НАЗВАНИЯ «ШКОЛА СКАНДАЛА»
Р.Б.ШЕРИДАНА. КОММУНИКАЦИЯ ТЕКСТА ПЬЕСЫ С
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ**

В данной статье предпринимается попытка пересмотреть корректность перевода названия репрезентативной комедии Шеридана в отечественном литературоведении и в связи с этим по-новому осмыслить эстетические и этические искания драматурга. В таком аспекте проблема до сих пор основательно не рассматривалась, за исключением некоторых тезисных замечаний Н.Е.Ерофеевой. Кроме того, нас будет интересовать феномен «скандала» и его реализация в тексте пьесы, как отражение общественно-культурной действительности XVIII века. Среди исследователей, касающихся вопроса обыгрывания скандала Шериданом, можно назвать зарубежных специалистов – Л.Кроненбергера [10], Р.Роудза и в нашем постсоветском литературоведении – Т.Н.Потницеву [6].

Заглавие «Школа скандала» («The School for Scandal», 1777) продолжает традицию «школы» в драматургии, берущую начало в комедиях Мольера «Школа мужей» (1661) и «Школа жён» (1662). В разных литературоведческих источниках упоминается разное количество английских пьес с названием «школа». Так, исследователь Н.Е.Ерофеева [3, с.21] говорит о существовании на британской сцене двадцати двух пьес с подобной номинацией; Н.Сойер, полагаясь на «Обзор английской сцены» Дженеста («Some Account of the English Stage»), утверждает, что комедий, начинающихся со слов «School for» или «School of», было двадцать, не считая «Школы скандала» [16, p.19]. При этом влияние успеха «Школы скандала» на номинации последующих пьес (но не на характер работ в целом) настолько концептуально, что цифра двадцать распадается в соотношении шесть [9, p.88] к четырнадцати, до и после 1777 года (время выхода в свет «Школы скандала») соответственно. До создания «Школы скандала» пьесы – «школы» зачастую имели откровенно сентиментальный характер: «The School for Lovers» (1761) Уайтхеда, «The School for Rakes» (1769) миссис Гриффит, «The School for Wives» (1773) Келли, «The School for Husbands» Маклина, но встречались и «весёлые» комедии нравов, как «The School for Guardians» (1767) Мэрфи.

Заглавие «Школы скандала» концептуализировано на уровне сюжета и несёт семантическую нагрузку прогнозирования содержания. Лапидарность названия, однако, не исключает двусмысленность трактовки. В самом названии «The School for Scandal» предлог «for» несёт в себе оттенок предназначения, осознанного поведения. Для учёных [1], рассматривавших «Школу скандала» в рамках просветительства с его огромной обличительной силой, название «The School for Scandal» приобретает совсем другие коннотации. Вместо эффекта «обучения»,

предполагающего модель «школа – учитель», некоторые специалисты актуализируют эффект «наказания, воздаяния по заслугам», базирующегося на модели «школа – урок». Исследователь Н.Е.Ерофеева также указывает на факт сужения рамок «школы» до «урока», «в контексте которого понимают многие комедии Мольера [2, с.350], а по аналогии и «Школу злословия» [3, с.22]. Перевод «Урок клеветникам» у А.Аникста [1, с.189] репрезентирует искажённую перспективу изображения «школы», акцентируя

внимание на результате, а не динамике развития пьесы и социологизирует, нарушает её стилевую заданность (игривость, а не суровое осуждение). Школа скандала – это порождение галантно-изысканного века, где скандалы и интриги – излюбленное времяпрепровождение для светского общества. В данном исследовании представляется более верным использовать название «Школа скандала» вместо общепринятого в отечественном литературоведении перевода – «Школа злословия», так как скандал – более обобщающий и многогранный термин – интегрирует различные стороны аморального поведения и злословия и их последствия: слухи, сплетни, подлость, дурную славу, плохую репутацию, позор. Подтверждением этому служит развёрнутый синонимичный ряд слова «scandal» в Webster's New World Dictionary and Thesaurus: «shame», «disgrace», «infamy», «discredit», «slander», «disrepute», «detraction», «defamation», «opprobrium», «reproach», «aspersion», «backbiting», «gossip», «eavesdropping», «rumour», «hearsay» [17, p.553].

Нет сомнения, что в «Школе скандала» злословие является базисной категорией, репрезентирующей фаворитное развлечение праздной публики XVIII века. Пьеса буквально насыщена не только самими сплетнями и злословием, но и размышлением по поводу их природы, средств выражения, отношения к ним. Так, старый сплетник Крэбтри и старый брюзга сэра Питер Тизл высказывают диаметрально противоположные взгляды о возникновении сплетен: Крэбтри. «Я, во всяком случае, убеждён, что не бывает сплетен, ни на чём не основанных; Сэр Питер Тизл. Ах, девять десятых злостных выдумок основаны на каком-нибудь комическом преувеличении». Но в иерархии понятий слух – сплетня – злословие – скандал по их масштабности и губительному влиянию на репутации – злословие стоит на третьем месте. Об этом говорят их разные коннотации. Слух (rumour) – это история, о которой много говорят, но достоверность её не установлена (вероятна её правдивость) [12, p.870]. Сплетня (gossip) – неофициальный разговор о делах других людей, как правило, включающий слухи и критический комментарий [13, p.514]. Её [сплетню] можно сравнить со «снежным комом», нарастающим вокруг слуха и прибавляющим всё новые уже выдуманные подробности. Злословие – одна из самых пагубных ступеней на пути дискредитации человека, но не последняя. Это недобрый и неприятный разговор о том, кто не присутствует, заведомо ложное заявление, направленное чтобы разрушить чью-либо репутацию [13, p.74, 1111], то есть здесь уже присутствует элемент осознанности. Злословие (то же, что и клевета) имеет свой синонимичный ряд, не предполагающий разночтений: «aspersion», «backbiting», «calumny», «defamation», «slander», «libel», «vilification». Скандал же характеризуется как аморальное и незаконное поведение, вызывающее общественный шок или гнев, или разговор об аморальных поступках, которые люди совершили или (в обществе) думают, что их совершили [13, p.1047].

Но злословие входит в семантическое поле скандала, зачастую являясь или прецедентом для развития скандала со всеми вытекающими последствиями, или его злостным комментарием. В жизни человек, репутация которого была (ложно или с имеющимися для этого основаниями) запятнана, терял «character» (синоним «reputation» [11] в языке XVIII века, сейчас со значением «характер», «лич-

ность)), то есть его личность становилась «*persona non grata*» в обществе, её негласно отлучали от всеобщего расположения и дружеского отношения. Примером злословия – реакции на достоверные события может послужить история мистера Уолтера Лонга – жадного, старого сквалыжника, жениха будущей жены Шеридана мисс Элизабет Линли. Их взаимоотношения и расторгнутая помолвка [7, с.49] легли в основу комедии «Батская дева» Фута. После этого «Лонга клеймил весь Бат, весь Лондон; он так и остался пригвождённым к позорному столбу» [7, с.50]. Другой пример, на этот раз злословия – прецедента, «двигательного механизма» для развития скандала, напрашивается из текста пьесы. Шеридан искусно развёртывает перед зрителями и читателями одну из схем зарождения скандала. В «колледже скандала» рассказывают, что у мисс Летиции Пайпер была новошотландская овца, которая родила двойню. Из-за плохого слуха леди Дэндизи рождается сплетня о том, что мисс Пайпер родила двойню. На следующее утро об этом уже многим известно, спустя несколько дней об этом уже с удовольствием судачат в салонах и «иные уже могли назвать отца и даже мызу, куда малютки были отданы на попечение кормилицы» [8, с.277] («*there were some people who could name the father, and the farmhouse where the babies were put to nurse*»). Нетрудно догадаться, какой скандал разгорелся вокруг имени мисс Пайпер из-за злословия: начиная с косых взглядов, шепотков за спиной и заканчивая нежеланием принимать её у себя в гостях и холодком со стороны потенциальных женихов, думающих, что она уже не девица, да и не желающих быть посмешищем в глазах света, женившись на отвергнутой. Испорчено не только имя, но и судьба. Шеридан заявляет этой историей, что «самые ничтожные обстоятельства дают повод для оскорбительнейших слухов» [8, с.277] («*very trifling circumstances often give rise to the most injurious tales*»).

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что скандал всегда сопутствует злословию, это два неразрывно связанные общественно-культурные феномена, при этом скандал – более всеобъемлющий, семантически насыщенный термин, «втягивающий в свою орбиту» [4, с.7] множество тематически-однородных явлений. Он – полисемантический. Примечательно, что Шеридан предпочитает в тексте комедии слово «*scandal*» и его производные на фоне крайне редкого применения слов «*libel*» (в «Портрете») и «*slander*». Хотя английское слово «*scandal*» имеет толкование не только как «скандал», но и «злословие», «сплетни», нельзя утверждать, что «Школа скандала» повествует лишь о злословии, но включает синтез этих двух вариантов слова «*scandal*». Скандал в «сцене с ширмой» (IV, 3), поначалу не имеющий ничего общего с колледжем скандала, в заключительном действии пьесы с готовностью раздувается его завсегдатаями до гротескных размеров – это не просто злословие, это грандиозный скандал, а они – его искусные создатели, отточившие своё мастерство в своём колледже – школе.

Нельзя утверждать, что название «Школа злословия» не верно и не корректно (нет сомнения, что злословие и сплетни были мишенью для драматурга), но, как кажется, вариант прочтения заглавия как «Школа скандала» расширяет перспективу отображения нравов и взаимоотношений, характерных для общества XVIII века.

Шеридан направил свою сатиру (но в чисто художественных целях) ещё против одного большого порока эпохи – против «нового журнализма» («*new journalism*») [14, p.13], введённого в действие журналом «*The Town and Country Magazine*», основанном в 1769 году, и газетой «*The Morning Post*», основанной в 1772 году. Суть «нового журнализма» заключалась в активной публикации клеветнических заметок. Известно, что «Школа...» – результат слияния трёх отдельных набросков Шеридана: первый с названием «Клеветники», второй – «Этюд к

чете Тизл» и третий – «Эмма» (о противопоставлении двух братьев; Эмма – впоследствии Мария в «Школе скандала»). Н.Маршова пишет, что первый и наиболее ранний набросок (батский) состоял из отрывочных разговоров – сплетен, напоминающих раздел великосветских сплетен в современном Шеридану популярном журнале «Журнал джентльмена» «Gentleman's Magazine», 1734 – 1907) [5, с.70–71]. Исследователь Р.Роудз подробно описывает шеридановскую антипатию к подобного рода изданиям [14, р.13–14]. Оказывается, первый набросок пьесы начинался предложением «Friendly caution to the newspapers» («Дружеское предупреждение газетам»). Оно сохранилось в процессе многих этапов компиляции и усовершенствования комедии, чтобы появиться наконец в качестве первых слов «Школы...» в форме «The paragraphs, you say, were all inserted?» («Так вы говорите, что все заметки сданы в печать?»). Хотя их точное содержание не указано, можно предположить (а Р.Роудз говорит, что здесь не может быть сомнений), что эти заметки касались «Sir P ____ and Lady T ____», в то время как другие намекали на интригу, или, возможно, даже на брак между «Mr. C ____ s S ____ ce and Lady Sn ____ ll». Шеридан немного завуалировал свою интенцию высмеять газетчиков, удалив из окончательного варианта комедии строчку, изображающую Снейка в качестве журналиста: «There's a precious rogue for you: Yet that fellow is a Writer and Critic». Известно, что было несколько вариантов «Школы скандала» и, по словам современника и биографа Шеридана Томаса Мура окончательный вариант утратил «первоначальную жёсткость и грубость» [6, с.147]. Хотя название газеты напрямую не указывалось, но откровенный намёк на «Morning Post» не вызывал сомнений. После премьеры «Школы Скандала» журнал «The London Magazine» (May, 1777) писал, что «кроме сатиры общего характера, которая будет иметь силу пока английский язык читают и понимают, её частное применение по отношению к определённой современной ежедневной публикации логически оправдано от начала до конца и должно вогнать в краску каждого, кто потворствовал резне мужских и женских репутаций» («...besides the general satire, which will hold good as long as English language is read or understood, the particular application of it to a certain modern daily publication is logically true throughout, and ought to crimson with blushes every cheek which has encouraged such a butchery of male and female reputations»).

Наряду с газетой «The Morning Post», пользующийся дурной славой (notorious) журнал «The Town and Country Magazine» также не избежал острого словца Шеридана. Идентификации не потребовалось, название журнала употреблялось в открытую с его специализацией. Всё дело в том, что главным разделом этого периодического издания была серия «Мемуаров» («Memoirs») или «Историй» («Histories») какого-нибудь выдающегося мужчины и его последней любовницы или какой-нибудь выдающейся женщины и её любовника, к которым прилагался «Têt- à - tête» – иллюстрация, изображающая их портреты в виньетке. Примечательно, что имена сторон давались не полностью, но их личности можно было установить по общепринятым прозвищам или использованию букв и тире. Такая откровенность в альянсе с интригой давала повод для догадок и споров, наподобие разгадывания своеобразного кроссворда. Несомненно, многие из этих скандальных хроник были подлинными, но не всегда, так как «Снейки» и «Снируэлы» эпохи (как имена нарицательные) помогали Редактору, поставляя ему информацию, вымышленную то ли со злым умыслом, то ли ради развлечения. Шеридан пишет, что возможно было устраивать «têt - à - têt'ы» людям, которые, вероятно, за всю свою жизнь ни разу друг друга в глаза не видели» [8, с.269]. Редактор этого журнала всегда заявлял, что информацию для печатания он проверяет со всей тщательностью. В ответ же на обвинение, прозвучавшее в пьесе (слово «вероятно» в упоминавшемся предложении снимает с него суровость об-

личительного пафоса), редактор нашел выход, со свойственной тому времени манерной велеречивостью поблагодарив Шеридана за особое внимание к его изданию – ведь он увековечил его, «так как, вероятно, на эту комедию будет очень большой спрос» [14, p.15]. Здесь слово «вероятно» также не случайно, оно звучит как лёгкий язвительный укол автору пьесы. Что касается недоверности мемуаров, отсутствия связи между изображёнными в них людьми, Редактор умоляет (с традиционной для XVIII века ироничной благосклонностью) Шеридана обратиться к его собственным воспоминаниям. Здесь он подразумевает реальную историю «the Amorous Justice and Miss L ____ n», послужившую источником для одной из последних «Histories». Ещё в 1770 году издатели журнала оправдывали свою рубрику «Têt – à – tête», прикрываясь благородной целью «не потворствовать злобности или неуместному любопытству, но держать зеркало перед оскорбляющими сторонами, в которых они могли бы увидеть их собственные портреты в таком обличье, чтобы заставить их отказаться от этих модных пороков века; исправление более осуществимое при помощи осмеяния, чем при помощи здоровой аргументации» («it was not undertaken to gratify malignity, or to indulge impertinent curiosity, but to hold up a mirror to the offending parties by which they might see their own likeness reflected in such a manner, as to force them to renounce the fashionable vices of the age; a reformation much more likely to be effected by ridicule than sober reasoning» (advertisement to «The Town and Country Magazine», January, 1770)).

Возможной причиной для особого отличия («a peculiar distinction») журнала «The Town and Country Magazine», как указывает Р.Роудз, могло быть появление «Мемуаров Малгрида и Талии» в январе 1777 года, за четыре месяца до первого представления «Школы Скандала». Под именем Малгрида скрывался граф Шельбурн, вторую сторону представляла никто иная, как миссис Абингтон, игравшая впоследствии роль леди Тизл. Однако, известную актрису привело в негодование не сообщение о её последней интриге, о которой знал весь свет, но указание на её «удивительную» карьеру и романтическое возвышение в глазах общества из убогого и распутного окружения в силу ряда очевидных причин.

Шеридан сам знал, что такое скандал – не понаслышке. Его действие было эмпирически «прочувствовано» драматургом. Ещё в юности Шеридан как типичный герой своего времени, отличавшегося накалом страстей и пристрастием к романтическим эскападам, бежал с молоденькой певицей Элизабет Энн Линли из Бата во Францию. Их бегство вызвало немало пересудов и толков. Родители девушки, не соглашавшиеся на брак дочери с Шериданом из-за его скромного достатка, последовали за ними и разлучили их на некоторое время. Шеридан дважды дрался на дуэли с капитаном Мэтью, защищая честь своей возлюбленной. В конце концов родители дали согласие на брак и молодая чета переехала из Бата в Лондон. Само собой разумеется, что Шеридан почерпнул из этой ситуации неоценимые наблюдения.

Чтобы понять сущность скандала необходимо рассмотреть его природу. В основе зарождения скандала (как и всяких этических и эстетических воззрений) лежит принцип Паскаля: «человек не может сидеть спокойно в комнате» [15]. Он – жертва своих страстей и воображения. Он будет искать способы, как бы отвлечь себя от самого себя, своей пустоты при помощи работы или развлечения. Одним из таких способов и есть скандал.

Скандал – органичное проявление человеческой природы, стремящейся находить себе занятия не только для ума, но и в сфере эмоциональной. До XX столетия люди из высшего общества, в силу отсутствия продуктов нынешнего научно-технического прогресса, были сосредоточены на общении, а одним из предметов их общения были они сами, если не считать обсуждения нравственных, религи-

озных, политических вопросов и предметов искусства. Но скандал не так примитивен, как кажется на фоне «серьёзных» тем. Скандал – это искусство [10, p.560], требующее от человека максимум способностей, чтобы быть умным [10, p.559-560], владения словом и искусством намёка и недосказанности, богатым воображением и умением преподнести остроту или шутку (чтобы о нем не говорили, что судя по тягостному молчанию, рассказчик только что «разродился шуткой» [7, с.259]). Шеридан даёт нам представление о многогранности скандала от лица Снейка, говоря, что необходим замысел («design»), дар слова («a free tongue») и смелое воображение («a bold invention») – как для написания качественного литературного произведения, а также колорит («colouring»), рисунок («outlines») и мягкость оттенков («delicacy of tint») – как для создания картины – предмета искусства. Специалист Л.Кроненбергер считает, что в обществе оранжерей (в метафорическом смысле – моё примеч.) каждый думает дважды, прежде чем «бросить камень» [10, p.559].

При этом скандал социологизирован, это привилегия высшей прослойки общества, постоянный и важный социальный феномен. Беда, случившаяся с горничной – это досадная неудача для хозяина, но не скандал [10, p.559]. Скандал – это забава («fun»), развлечение («amusement») и вместе с тем, узкопрофессиональная тема определённого круга со своими секретами, каковыми обладают и книгопродавцы, и кондитеры...

Основным же в исследовании понятия «скандал» в творчестве Шеридана является отсутствие какого-либо социально-критического пафоса [6, с.141], как утверждалось в советском литературоведении. Скандал существует в комедии ради скандала («scandal for scandal's sake») [10, p.558], мотивы его изображения чисто художественные и бескорыстные. Если и существует осмеяние, то это положительный тон смеха (хотя личная антипатия именно к газетам существует). Скандал и колледж скандала придадут пьесе остроты и блеска, а также «ощущение озорства» («sense of naughtiness») [10, p.558].

На основании вышесказанного, возможно прийти к выводу, что название «Школа Скандала» более корректно в связи с его расширительным значением, включающим различные смыслообразующие коннотации, и свободно от искажений идеологизированного подхода, свойственного советскому литературоведению. Кроме того, понятие «скандал» явилось той специфической категорией, в которой отразились как мироощущение и стиль автора, склонного к «игре с действительностью», так и весь век Шеридана с его интересом к подробностям и секретам частной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникст А. История английской литературы. М., 1956.
2. Бояджиев Г. Мольер. История пути формирования жанра высокой комедии. М., 1967.
3. Ерофеева Н.Е. Шеридан и мольеровская традиция «школы»//Первая всесоюзная конференция литературоведов-англистов. М., 1991.
4. Жеребин А.И. Стиль рококо как пространство культуры (рецепция рококо в Германии XIX века)//XVIII век: литература в контексте культуры. М., 1999.
5. Маршова Н. Ричард Бринсли Шеридан. 1751-1816. Л. – М., 1960.
6. Потницева Т.Н. «Школа Скандала» Р.Шеридана. Art for Art's Sake// Другой XVIII век. М., 2002.
7. Шервин О. Шеридан. М., 1978.
8. Шеридан Р.Б. Драматические произведения. М., 1955.
9. Bevis R. The Laughing Tradition. Stage Comedy in Garrick's Day. The University of Georgia Press. Athens, 1980.
10. Kronenberger L. The School for Scandal.//S.McMillin. Restoration and Eighteenth – Century Comedy. Criticism: From Lamb to Present. New York, 1973.